

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342.533

БИКАМЕРАЛИЗМ ЗАКАНАДАЎЧАЙ УЛАДЫ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

К.М. ІВАНОВІЧ

(Прадстаўлена: канд. юр. навук Д.В. ШЧЭРБІК)

Разглядаюцца сутнасць бікамералізму заканадаўчай улады, прычыны і перадумовы ўзнікнення такой формы ўнутранай структуры парламента, а таксама неабходнасць яе існавання ў сучаснасці.

Двухпалатная сістэма (бікамералізм) – структура агульнаацыянальных прадстаўнічых і заканадаўчых устаноў – парламентаў, пры якой парламент складаецца з дзвюх палат, якія, як правіла, фарміруюцца па-рознаму і валодаюць рознымі паўнамоцтвамі [1].

Чаму ж аднапалатны парламент у некаторых дзяржавах пераўтварыўся ў двухпалатны, у той час як у іншых дзяржавах назіраліся прама супрацьлеглыя з’явы? Адказ на гэтае пытанне неабходна шукаць, паглыбляючыся ў гісторыю, якая вывучае перадумовы ўзнікнення бікамералізму.

Бікамералізм, гістарычна з’яўляючыся традыцыйнай сістэмай пабудовы парламента многіх дзяржаў, упершыню з’явіўся ў сярэдзіне XIV ст. у Вялікабрытаніі, дзе стварэнне двухпалатнага парламента было абумоўлена *эканамічнымі прычынамі*. Так, першапачаткова Парламент складаўся з вышэйшых феодалаў (баронаў) і вышэйшага духавенства (прэлатаў). З сярэдзіны XIII ст. на пасяджэнні Парламента сталі запрашацца па два прадстаўнікі ад сходаў графстваў і буйных гарадоў, прычым спачатку яны ўсе засядалі ў адным сходзе. Паступова вялікія бароны (лорды), якія перадавалі свой тытул і звязаныя з ім прывілеі ў спадчыну, узмацнілі свой уплыў: іх манаполіяй стала ажыццяўленне ў Парламенце судовых функцый і ўплыў на прызначэнне Каралём вышэйшых чыноўнікаў. З сярэдзіны XIV ст. лорды, уключаючы вышэйшае духавенства, сталі засядаць асобна ад прадстаўнікоў графстваў і гарадоў – абшчын. Так склалася двухпалатная структура брытанскага Парламента.

Гэтак жа свой выбар у бок двухпалатнай структуры зрабілі і ЗША, замяніўшы ў 1787 г. аднапалатны Кангрэс на двухпалатны, маючы на тое *сацыяльна-этнічныя прычыны*. Так, на Філадэльфійскім Канвенце асноўная спрэчка разгарнулася паміж прыхільнікамі двух канстытуцыйных мадэляў, якія атрымалі назвы “План Віргінія” і “План Нью-Джэрсі” – па назвах штатаў, якія прадстаўлялі аўтары планаў. У выніку “План Віргінія” быў узяты за аснову будучай Канстытуцыі, але доўгі час заставалася нявырашаным прынцыповае пытанне аб парадку фарміравання Кангрэса як заканадаўчага органа.

Дэлегаты ад буйных штатаў настойвалі на прапарцыянальным прадстаўніцтве ў залежнасці ад насельніцтва кожнага штата, дэлегаты ж ад дробных – на роўнам прадстаўніцтве незалежна ад насельніцтва. Кампраміс быў прапанаваны дэлегатам ад Канэктыкута Роджэрам Шэрманам, які з’яўляўся адным з прыхільнікаў “Плана Нью-Джэрсі”. Ён прапанаваў абіраць Палату прадстаўнікоў па тэрытарыяльным прынцыпе, а ў Сенаце інтарэсы штатаў прадстаўляць на роўнай аснове. Так было вырашана пытанне Кангрэса ЗША.

Аднак ужо ў канцы XIX ст. пачаліся спрэчкі аб неабходнасці верхняй палаты ў структуры парламента, паколькі суверэнітэт парламента “пахіснуўся”: дэлегаваным заканадаўствам, стварэннем органаў канстытуцыйнага кантролю, фактычным напорам больш дынамічнай і аператыўнай выканаўчай улады і інш. [2].

Так, Фінляндыя першай сярод еўрапейскіх краін па Статуту парламента 1906 г. адмовілася ад двухпалатнага парламента ў XX ст. [3].

Для іншых жа дзяржаў працэс адмовы ад бікамералізму не быў такім лёгкім. У Даніі, напрыклад, барацьба за адмену Ландстынга доўжылася 50 год. У Швецыі ліквідацыя Рыксдага фактычна прайшла два этапы: спачатку яго зраўнялі ў правах з ніжняй палатай, а потым скасавалі як нязручную палату «для рацыянальнай дзейнасці Рыксдага» [4].

Прычыны пераходу да аднапалатнай сістэмы былі: патрабаванні прагрэсіўных сіл па пашырэнню магчымасцяў для народа ў кіраванні дзяржавай, адмене верхняй палаты як тормаза дэмакратычных пераўтварэнняў у Даніі; «незадаволенасць шырокіх колаў», за выключэннем сацыял-дэмакратаў, якім верхняя палата была выгадная. У Швецыі, як сцвярджае М.А. Магунова: «ліквідацыя двухпалатнай структуры спрыяла павышэнню эфектыўнасці заканадаўчай працы дацкага і шведскага парламентаў» [5].

Разгледзім гісторыю бікамералізму на прыкладзе нашай дзяржавы. Згодна з Канстытуцыяй Рэспублікі Беларусь ад 15 сакавіка 1994 г. вышэйшым прадстаўнічым пастаянна дзеючым і адзіным

заканадаўчым органам дзяржаўнай улады ў краіне з'яўляўся Вярхоўны Савет Рэспублікі Беларусь. Ён уключаў 260 дэпутатаў, якія абіраліся тэрмінам на 5 год [6].

Аднак ужо 24 лістапада 1996 г. адбыўся рэспубліканскі рэфэрэндум па ўнясенні змяненняў і дапаўненняў у Канстытуцыю Рэспублікі Беларусь, якія прадугледжвалі стварэнне двухпалатнага парламента – Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, які складаецца з Савета Рэспублікі і Палаты прадстаўнікоў.

Узнікае пытанне: ці была неабходнасць у такіх зменах?

Рэспубліка Беларусь з'яўляецца ўнітарнай па сваёй тэрытарыяльнай структуры дзяржавай, дзе вобласці маюць пераважна роўную колькасць насельніцтва, таксама варта звярнуць увагу на яго манаэтнічны склад, што дазваляе зрабіць выснову аб адсутнасці перадумоў для пераўтварэння структуры парламента: не было неабходнасці ў прадстаўніцтве класаў, як у Вялікабрытаніі, або прадстаўніцтва зямель, як у ЗША. Адсюль лагічнае пытанне: у чым сутнасць існавання верхняй палаты, калі на працягу ўсёй гісторыі свайго існавання ён ніколі не выступаў з заканадаўчай ініцыятывай і не адсылаў на дапрацоўкі ніводнага праекту закону?

Такім чынам, можна зрабіць выснову аб тым, што Парламент Беларусі мае патрэбу ў рэфармаванні структуры з двухпалатнай на аднапалатную з павелічэннем колькасці дэпутатаў ужо адзінай палаты адносна існуючай колькасці дэпутатаў Палаты Прадстаўнікоў і былой колькасці дэпутатаў Вярхоўнага Савету паводле Канстытуцыі 1994 г. для пашырэння народнага прадстаўніцтва.

ЛІТАРАТУРА

1. Дзыбава, С.Г. Бікамералізм як прававая з'ява: гісторыя і сучаснасць / С.Г. Дзыбава. – Весн. Адыгейскага дзярж. ун-ту. Сер. 1 : Рэгіёназнаўства: філасофія, гісторыя, сацыялогія, юрыспрудэнцыя, паліталогія, культуралогія. – 2008. – № 02. – С. 171–175.
2. Канстытуцыйнае права замежных краін : падр. / Г.А. Васілевіч [і інш.] ; пад агульн. рэд. Г.А. Васілевіча. – Мінск : Кніжны Дом, 2006. – С. 366.
3. Парламент Фінляндыі. – Хельсінкі : Парламент Фінляндыі, 2001. – С.5.
4. Магунова, М.А. Дзяржаўны строй Швецыі / М.А. Магунова. – М., 1983. – С. 66.
5. Магунова, М.А. Скандынаўскі парламентарызм: тэорыя і практыка / М.А. Магунова. – М. : Рас. дзярж. гуманіт. ун-т., 2001. – С.97–202.
6. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь ад 15 сак. 1994 года : па стану на 1994 г. – Мінск : Амалфея, 2005. – 56 с. – арт. 79 і арт. 81.

УДК 342.51(2)

АБ КРЫЗІСНЫХ З'ЯВАХ У ДЗЕЙНАСЦІ ЗАКАНАДАЎЧАЙ УЛАДЫ Ў ХХ–ХХІ СТСТ.

К.М. ІВАНОВІЧ

(Прадстаўлена: канд. юрыд. навук Д.В. ШЧЭРБІК)

Разглядаюцца асноўныя прычыны ўзнікнення крызісных з'яў у інстытуце парламентарызму ў ХХ ст., вылучаныя на аснове прац К. Шмітта. Прыводзяцца фактычныя звесткі, што сведчаць аб прысутнасці такіх з'яў у сучаснасці на прыкладзе суднясення заканадаўчай і выканаўчай галін улады ў працэсе Рэспублікі Беларусь.

Дзеянне механізма стрымак і супрацьваг пры канстытуцыйным прынцыпе “падзелу ўладаў” заканавае перш за ўсё праблему сутыкнення інтарэсаў заканадаўчай і выканаўчай улад. Так, ужо ў пачатку ХХ ст. назіралася тэндэнцыя да паступовага ўмяшання выканаўчай улады ў асобе кіраўніка дзяржавы ў заканадаўчую дзейнасць, якая традыцыйна належыць парламенту.

Пра наяўнасць крызісных тэндэнцый у парламентарызме, зыходзячы з аналізу яго развіцця ў Веймарскай Германіі, яшчэ ў пачатку ХХ ст. піша ў сваёй працы “Легальность и легитимность” нямецкі юрыст, філосаф і палітычны тэарэтык К. Шмітт (Carl Schmitt). Ён адзначаў, што надыходзіць крызіс «государства законодательства» (Gesetzgebungsstaat) – государственного образования (Staatswesen), подчиненного безличным (и потому всеобщим) и predetermined (и потому рассчитанным на длительный срок) нормативным установлениям, содержание которых изначально поддается измерению и определению”, то-бок крызіс такой дзяржавы, дзе «закон и его исполнение, законодатель и применяющие закон учреждения отделены друг от друга», дзяржавы, дзе «господствуют законы», а не люди, не какие-либо авторитеты и власти [1].

Шмітт вылучае некалькі прычын такога крызісу, аднак адной з асноўных ён называе тэндэнцыю да паступовага павелічэння ўмяшання выканаўчай улады ў асобе кіраўніка дзяржавы ў заканадаўчую дзей-

насьць [2]. Сутыкненне гэтых галін улады можна дэталёва разгледзіць на прыкладзе нашай краіны, дзе такі крызіс ускладняецца яшчэ і ўзнікненнем супярэчнасцей наконт суаднясення юрыдычнай сілы законаў з актамі Прэзідэнта, а таксама апошніх паміж сабой.

Разгледзім гэтае пытанне больш падрабязна. Так, у праватворчым працэсе Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь мае паўнамоцтвы як непасрэдна ў сферы прыняцця нарматыўных актаў, так і ў якасці самастойнага праватворчага суб'екта. У яго кампетэнцыю, зыходзячы з тэксту артыкулу 84 Канстытуцыі, уваходзіць:

- 1) назначэнне чарговых і нечарговых выбараў ў Палату прадстаўнікоў, Савет Рэспублікі і мясцовыя прадстаўнічыя органы;
- 2) роспуск палаты ў выпадках і ў парадку, прадугледжаных Канстытуцыяй;
- 3) падпісанне законаў; мае права ў парадку, устаноўленым Канстытуцыяй, вярнуць закон або асобныя яго палажэнні са сваімі прэчэннямі ў Палату прадстаўнікоў і г.д. [3].

Зыходзячы ўжо з таго, што Прэзідэнт уплывае і непасрэдна ўдзельнічае ў працэсе фарміравання палат парламента: назначае восем членаў Савета Рэспублікі [4], можна зрабіць пэўныя высновы пра значнасць умяшання Прэзідэнта ў заканадаўчую дзейнасць Парламента. Больш таго, Прэзідэнт таксама валодае правам заканадаўчай ініцыятывы, згодна з палажэннямі Канстытуцыі. Тут неабходна адзначыць, што Прэзідэнт у сярэднім уносіць 8–10 % праектаў законаў, у той час як дэпутаты Палаты Прадстаўнікоў толькі 1–2 % [5]. Гэтым умяшанне кіраўніка нашай краіны ў выключна парламентскую сферу заканадаўчай дзейнасці не абмяжоўваецца, што падцвярджаецца тэкстам артыкула 85 Канстытуцыі, якая надзяляе Прэзідэнта паўнамоцтвам выдаваць дэкрэты, што маюць сілу законаў, а таксама непасрэдна або праз ствараемыя ім жа органы забяспечваць выкананне сваіх дэкрэтаў, указаў і распараджэнняў [6]. У перыяд з 2010 г. па цяперашні час было выдана 13 дэкрэтаў, 13 распараджэнняў і амаль 100 указаў [7].

Аднак значны ўплыў Прэзідэнта ў праватворчым працэсе Рэспублікі Беларусь заключаецца не толькі ў вялікай колькасці выдаваемых ім актаў, а таксама ў тым, што ў большасці выпадкаў менавіта яго асабістыя акты маюць большую юрыдычную сілу ў параўнанні з законамі, прынятымі Парламентом. Збольшага палажэнні аб суаднясенні актаў Парламента і актаў Прэзідэнта ўтрымліваюцца ў Канстытуцыі і ў шэрагу заканадаўчых актаў.

Больш таго, згодна артыкула 28 Закона Рэспублікі Беларусь «Аб Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь», дэкрэты і ўказы Прэзідэнта, калі іншае не прадугледжана Канстытуцыяй Рэспублікі Беларусь, маюць верхаўенства над актамі іншых дзяржаўных органаў і службовых асоб, а значыць, і над законамі, прынятымі Парламентом [8]. Пры гэтым адсылка на Канстытуцыю не знаходзіць палажэнняў, што напрамую тычацца дадзенага пытання.

Разам з тым, Закон «Аб нарматыўных прававых актах Рэспублікі Беларусь» пры разыходжанні ўказа з законам таксама прызнае юрыдычную сілу ўказа вышэй закона, акрамя выпадкаў, калі паўнамоцтвы на выданне такога ўказа былі прадстаўлены законам [9].

Так, на сённяшні дзень мае месца разрозненасць, недакладнасць і няпоўнасць нормаў аб іерархічнай падпарадкаванасці законаў Парламента і ўказаў Прэзідэнта, з-за чаго ўзнікаюць пытанні ў працэсе іх прымянення, і паўстае неабходнасць дадатковага заканадаўчага замацавання і ўдакладнення сістэмы іх суаднясення.

Такім чынам, зыходзячы з палажэнняў, апісаных К. Шміттам, а таксама аналізу існуючай сітуацыі ў нашай краіне, можна збярціць выснову аб тым, што крызісныя тэндэнцыі ў інстытуце парламентарызму, заўважаныя і вылучаныя Шміттам яшчэ ў пачатку мінулага стагоддзя, не толькі не страцілі сваёй актуальнасці, але ўяўляюцца сапраўды вострымі і ў сучаснасці.

ЛІТАТАРУРА

1. Шмит, К. Государство: право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова ; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. – М. : Территория будущего, 2013. – 444 с. – (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
2. Там жа. – С. 280.
3. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь ад 15 сакавіка 1994 года : з змяненнямі і дапаўненнямі, прынятымі на рэсп. рэферэндумах 24 ліст. 1996 г. і 17 кастр. 2004 г. – Мінск : Амалфея, 2005. – 56 с. – арт. 84.
4. Там жа. – арт. 91.
5. Каментарый да Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь : у 2 т. / І.І. Пляхімовіч. – Мінск : Амалфея, 2015. – 984 с. – Т. 2. – С. 284.
6. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь ад 15 сакавіка 1994 года : з змяненнямі і дапаўненнямі, прынятымі на рэсп. рэферэндумах 24 ліст. 1996 г. і 17 кастр. 2004 г. – Мінск : Амалфея, 2005. – 56 с. – арт. 85.
7. Сайт Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.president.gov.by>. – Дата доступу: 02.10.2015.
8. Аб Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс] : Закон Рэсп. Беларусь ад 21 лют. 1995 г., № 3602-ХІІ : у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 6.10.2006 г. // Эталон-Беларусь / Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2015. – арт. 28.

9. Аб нарматыўных прававых актах [Электронны рэсурс] : Закон Рэсп. Беларусь ад 10 студзеня 2000 г., № 361-3 : у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 2.07.2009 г. // Эталон-Беларусь / Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2015. – арт. 10 абз. 3.

УДК 340

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ И ИЗМЕНЕНИЯ В ПОДХОДАХ К ЕЕ ПОНИМАНИЮ

В.А. ТКАЧЁВ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ)

Представлен анализ появления и развития теории разделения властей в историческом разрезе. Дано определение сущности и целей данного принципа. Рассмотрено его применение в государственных конструкциях и способах закрепления.

На данном этапе развития общества господствует представление о необходимости закрепления принципа разделения властей в конституции демократического государства. Вопросы сущности, происхождения, видов власти и их взаимодействия берут свое начало с античных времен. Для лучшего понимания следует проследить этапы развития теории разделения властей и ее связь с политическими и идеологическими аспектами общества.

Разделением власти на виды впервые занялся Аристотель. Так он выделил родительскую, господскую и политическую власть. Необходимость этого разграничения была обусловлена тем, что было необходимо определить происхождение и сущность властных полномочий в государстве [1, с. 59].

В дальнейшем этим вопросом занялся Джон Локк – один из величайших мыслителей XVII века, который внес огромный вклад в науку. Самым значительным его трудом является «Два тракта о правлении», который кратко будет рассмотрен далее.

Прежде чем вывести свои собственные идеи, Локк последовательно аргументирует несостоятельность устоявшихся взглядов. Свойственным тому времени основанием аргументов в дискуссии было Священное писание, а главным спором было происхождение государства и источник власти. Имея непосредственное отношение к государственному аппарату, Локк видел недостатки абсолютизма.

Автор находится в поиске оптимального государственного устройства и формы правления. Источник власти не рассматривается как отцовская власть или божественное предписание. Выводится естественное состояние, при котором все равны и свободны, в той мере, которая не нарушает свободу других, равенство предполагает наличие юрисдикции каждого над другим, дающее право наказывать за нарушение природного закона (естественных прав) в мере равной нарушению. Следующей гипотезой является то, что государство появляется посредством общественного договора (примеров в истории данной гипотезы не имеется, но это абстрактная конструкция) [2, с. 152]. Исходя из этого, допустимы изменения в государственном устройстве, т.к. по договору стороны обладают правами и обязанностями. Автор видит необходимость реформ в государственном строе, для этого более четко выводится принцип разделения властей, который в дальнейшем доработан последователем Локка, Шарлем Луи Монтескье. Были выделены такие ветви власти, как законодательная, исполнительная и федеративная. При этом стоит учитывать, что в то время в Англии суды не отделялись от администраций и чиновники были «широкого» профиля. Разница между исполнительной и федеративной властью заключалась в том, что первая относится к сфере внутреннего управления, а вторая выносится на уровень международных взаимоотношений. Принцип разделения властей сводится к тому, что недопустимо сосредоточение всей власти в лице одного человека или органа, тем самым Локк выступает против абсолютизма монарха, но и заблаговременно предупреждает о последствиях чрезмерного усиления одной из ветвей над другой.

Одной из причин, натолкнувших Локка на создание теории о разделении властей, стала Английская революция 1640–1650-х годов, когда в конфликт вступили исполнительная и законодательная власть.

Исследуя положение Англии в конце 17 века, а именно после «Славной революции» 1688 года впервые идеи Локка начали воплощаться на практике. В подтверждение этому служит «Биль о правах» 1689 года, который разграничивал компетенции субъектов власти и вводил систему сдержек и противовесов между ними. Важнейшие положения данного акта были следующими:

- приостанавливать действие законов либо их исполнение;
- устанавливать и взимать налоги на нужды короля;
- свобода подачи петиций королю;

– свобода от штрафов и конфискации имущества без решения суда;
– свобода слова и дебатов; никакие слушания в Парламенте не могут быть основанием для привлечения к ответственности в суде и не могут быть подвергнуты сомнению за пределами парламента (парламентский иммунитет);
– свобода выборов в парламент (в то время лишь для состоятельных граждан) от вмешательства короля [5].

Тем самым можно наблюдать гарантию независимости деятельности парламента, как законодательной ветви власти. Ограничение деятельности короля и сужения его полномочий до отдельной ветви исполнительной власти. Большой независимостью начали обладать судебные органы.

Анализируя сущность разделения властей, можно сделать вывод о том, что-либо государственной власти как факта не существует, либо субъектом государственной власти может быть только государство. В таком случае вместо независимых властей могут существовать лишь относительно самостоятельные части государственного аппарата, не ограничивающие государственного суверенитета, между которыми распределяется не сама власть, а всего лишь государственно-властные полномочия. Данные полномочия следовало бы разделить между тремя группами государственных органов: исполнительной, законодательной и судебной [4, с. 4].

Если во времена Локка, а чуть позже его последователя Монтескье, принцип разделения властей и внедрения системы сдержек и противовесов рассматривается как правовое средство борьбы с наделенным всевозможными полномочиями монархом, то наблюдается привязанность принципа разделения властей к форме правления и при дальнейшем развитии общества и государства требует его адаптации под новые условия и, следовательно, принцип должен трансформироваться, но не теряет ли он при этом саму суть?

Следующим этапом развития принципа разделения властей было принятие Конституции США в 1788 году. Некоторые идеи были взяты из работ философов XVII–XVIII веков. Огромное влияние на Конституцию США оказали работы французского просветителя Монтескье в первую очередь его произведение «О духе законов», в котором Монтескье изложил свои взгляды на разделение властей. Монтескье считал, что любой человек, сосредоточив в своих руках неограниченную власть, начнет злоупотреблять ей. При этом он допускал реализацию разделения властей и в монархическом государстве. В рамках концепции разделения властей Монтескье предлагал сделать установление и взимание налогов исключительным полномочием законодательного органа, который через финансирование исполнительной власти мог бы влиять на ее деятельность, а исполнительной власти предоставить право вето на принятые законодательным органом законы [3, с. 425]. Законы должны были бы проходить через обе палаты двухпалатного законодательного органа. Судебная власть должна быть независимой от двух других ветвей. Все эти положения вошли в Конституцию США. В Конституции принцип разделения властей воплощен в наиболее «жестком» виде, когда возможность одной ветви власти влиять на деятельность другой ветви сведена к минимуму: президент лишен возможности распустить конгресс или какую-либо из его палат, в свою очередь должностные лица исполнительной власти не несут политической ответственности за свои действия перед конгрессом (конгресс может отстранить любое должностное лицо за преступления в порядке импичмента, но не за несогласие с проводимой политикой).

Таким образом, теория разделения властей, предложенная Джоном Локком, выводилась с учетом идеи, что народ – источник политической власти, передавший ее государству в виде государственных органов и должностных лиц. В его теории отсутствует необходимость определенной формы правления для реализации данного принципа. Сущность данного принципа – предотвратить неэффективное управление государством и возникновение ситуации, когда вся государственная власть сконцентрирована в руках одного должностного лица или государственного органа, порождающее злоупотребление властью. Исторический анализ показывает, что применение принципа разделения властей различается по целям в зависимости от политической ситуации: на первом этапе он рассматривается как средство борьбы с абсолютизмом, когда на втором используется как один из составляющих элементов при построении демократического государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. История политических и правовых учений : учеб. пособие для вузов / В.С. Нерсесянц [и др.] ; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М. : ИНФРА-М, 1996. – 736 с.
2. Локк, Д. Сочинения : в 3 т. / Д. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3.
3. Монтескье, Ш. Избранные произведения : в 2 т. / Ш. Монтескье. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 2.
4. Косов, Р.В. Теория разделения властей как политическо-правовой принцип и научная теория / Р.В. Косов // Сб. науч. тр. / Тамбовский гос. техн. ун-т. – Тамбов, 2004. – Вып. 4 : Государство и право. Юридические науки. – С. 372.
5. Билль о правах 1689 года [Электронный ресурс] // Легислэйтор. – Режим доступа: http://legislator.narod.ru/txt/new/bill1689-1_main.html. – Дата доступа: 28.09.2015.

УДК 340

**ВОПЛОЩЕНИЕ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ
НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ 1791 ГОДА****В.А. ТКАЧЁВ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ)*

Представлен исторический анализ положения Речи Посполитой до принятия конституции. Дана характеристика установленного конституцией государственного строя на основании принципа разделения властей. Исследованы основные сдержки и противовесы в системе разделения властей в Речи Посполитой. Проведена оценка предпринятых реформ

Представленная миру первая конституция в Европе и вторая во всей истории человечества являлась ответом на сложнейшие внешние и внутренние политические обстоятельства. В первую очередь к ним относится сговор между Пруссией, Россией и Австрией, породившие разделы Речи Посполитой. Не менее важную роль сыграли золотые права шляхты, а в особенности право «liberum veto»: из-за его неоднократного применения – государственное управление становилось неэффективным.

Необходимость реформ витала в воздухе на протяжении всего XVIII века, но начались они слишком поздно, продиктованные скорее крайней необходимостью, чем здравым смыслом. Конституция не сумела оправдать возложенную на нее надежду и коренным образом изменить положение Речи Посполитой. Но не стоит девальвировать ее значение как исторического наследия нашей страны.

Начало реформ можно связать с датой 6 октября 1788 года, именно тогда свою деятельность начал сейм, в последствии вошедший в историю как четырехлетний [1, с. 175]. Сразу же была организована конфедерация, которая исключала возможность использования права «liberum veto». Все это происходило в тот момент, когда в государстве наблюдалось повышенное общественно-политическое движение граждан, нередко совмещенное с вооруженными выступлениями. Ярким примером служит Черная Процессия, начавшаяся 2 декабря 1789 года в Варшаве, ставшая основной причиной принятия закона о городах.

Следующим важнейшим шагом было принятие Конституции 3 мая 1791 года. Конституция полностью не отменяла Кардинальные права, но коренным образом изменяла государственный строй Речи Посполитой, которая становилась федеративным государством. Законом объявлялось разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, отменялась выборность короля, сейм становился постоянно действующим законодательным органом, отменялось право «liberum veto», впервые создавалось единое правительство для всей Речи Посполитой. Особенно важной конституционной нормой являлось закрепление принадлежности законодательной власти только сейму [2, с. 53–54].

Более подробно хочется остановиться на принципе разделения властей, в реализации которого имеются трудности в Беларуси и на данном этапе, что лишь показывает актуальность данной темы и связь прошлого с настоящим.

Из названия шестого раздела Конституции видно, что законодательной властью наделяется сейм. Далее в этом разделе указывается, что сейм делится на две палаты: на палату послов и палату сенаторов под председательством короля. В подтверждение принципа разделения властей в этом разделе написано, что «палата послов, как отражение и средоточие всевластия народа, будет святыней законодательства» [4].

В соответствии с седьмым разделом исполнительная власть передавалась королю и его совету, именованному Стража Законов, которая состояла из следующих лиц: примаса, пяти министров и двух секретарей. Конституцией устанавливалось, что король и его совет возглавляют вертикаль исполнительной власти, имея возможность воздействовать на магистратуры. Исполнительная власть обязана действовать, соблюдая и исполняя законы.

В восьмом разделе Конституции объявлялся принцип осуществления правосудия только судом. Изменялась структура и характер деятельности судебных органов. Все суды, которые обязаны были действовать на постоянном основании, разделялись на суды первой и второй инстанции. Помимо этого создавался верховный суд, называемый сеймовым, в компетенцию которого входило рассмотрение дел, связанных с государственными преступлениями [3].

Принцип разделения властей неразрывно связан с системой сдержек и противовесов.

Для начала рассмотрим, как, согласно Конституции, сдерживалась исполнительная власть:

1. Исполнительная власть не имеет права устанавливать или толковать законы, вводить под каким бы то ни было названием налоги и сборы, делать публичные займы, изменять произведенное сеймом распределение финансовых (казначейских) доходов, объявлять войну, заключать окончательно мир, договоры или (совершать) какие-либо дипломатические акты.

2. В случае если большинство в 2/3 обеих палат сейма при тайном голосовании на совместном заседании потребует смены министра в страже или в правительстве, король должен немедленно назначить на его место другого.

3. Сенаторы и министры в вопросах выполнения своих должностей в страже или в комиссии решающего голоса в сейме не имеют и во время обсуждения этих вопросов должны только присутствовать в сенате для дачи объяснений по требованию сейма.

4. Сейм выбирал членов комиссий, связанных и находящихся под управлением определенного стража. Эти комиссии следующие: просвещения, полиции, армии, финансов.

5. Все акты короля должны скрепляться подписью одного из министров, так реализуется институт контрассигнации. Король имеет право не отказываться от своего решения, тогда оно будет рассмотрено сеймом, независимо от желания короля.

Законодательная власть сдерживалась следующим образом:

1. Палата сенаторов (высшая палата сейма) состояла из короля и назначаемых им епископов, воевод, каштелянов и министров.

2. Король имел право один раз подать *votum* (голос), а второй *paritatem* (при равенстве голосов).

Судебная власть была ограничена следующим образом:

1. Судьи для судов второй инстанции и Трибуналов выбирались на поветовых сеймиках.

2. Король имел право амнистии для приговоренных к смерти.

3. Магистраты, выбираемые в каждом городе, осуществляли непосредственное им управление через распоряжения относительно внутреннего порядка, тем самым их можно отнести к законодательной ветви власти, но кроме этого наделялись Конституцией судебной юрисдикцией [4]. Таким образом, принцип разделения властей реализовывался не полностью.

Из всего вышесказанного остается неясным, какая конституционная ответственность грозила за нарушение данных норм, но данный недочет планировалось устранить в процессе создания новых кодексов. Оставался нерешенным вопрос конституционного контроля. Из рассмотренных сдержек и противовесов можем сделать вывод, что наибольшими полномочиями обладал Сейм, и чаша весов склонялась в его сторону, но для предотвращения неполноценного функционирования законодательной власти и лоббирования законов шляхетскими группировками было отменено право «*liberum veto*», которое своим существованием и активным применением на протяжении двух веков ввело в состояние ступора Речь Посполитую. Исполнительная власть, главным образом представленная в лице короля, значительно усиливалась: отмена выборности и предоставления права на трон одной династии устраняла возможность марионеточного правления. Так же сохранялось сословное деление, и если положение крестьян в значительной степени не улучшилось, то разрыв между мещанами и шляхтой постепенно сокращался, наделением первых рядом прав по Закону «Города наши Королевские свободны в государствах Речи Посполитой», включенному в содержание Конституции. Данные реформы имеют право называться прогрессивными, но не настолько, как это можно сделать в отношении французской Конституции 1791 года. Они открывали новые возможности для дальнейшей реконструкции Речи Посполитой, но ее второй раздел перекрыл этот путь. А собранный в 1793 г. сейм отменил Конституцию 3-го мая и принял новую Конституцию 23 ноября 1793 года, которая возвращала старые порядки, тем самым лишив возможности для проверки на практике Конституции 1791 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падр. / Т.І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.
2. История государства и права Беларуси : учеб. пособие для вузов / В.А. Шелкопляс [и др.] ; под общ. ред. В.А. Шелкопляс. – 1-е изд. – Минск : Дикта, 1999. – 272 с.
3. Государственное устройство Речи Посполитой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.manarchija.org/dz4>. – Дата доступа: 11.04.2015.
4. Конституция Речи Посполитой 1791 года [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=4951>. – Дата доступа: 11.04.2015.

УДК 342

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ СУПЕРПРЕЗИДЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

К.А. УСТИНОВ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)

Рассматривается концепция суперпрезидентской республики в ее историческом развитии. Раскрыта сущность понятия «суперпрезидентская республика». Выявлены основные этапы развития концепции.

«Демократические принципы и опыт требуют, чтобы над возможной политической несогласованностью верховенствовал национальный арбитр, способный обеспечить дух преемственности в условиях существования разношерстных по партийному составу правительств...» – так, в 1946 году, в городе Байе, Генерал Шарль де Голль обозначил свое видение Французского государства [3]. Однако его идеи воплотились в жизнь только в 1958 году, с провозглашением Пятой Французской Республикой, которую, на тот момент, по мнению некоторых ученых, следует считать суперпрезидентской.

Суперпрезидентская республика – понятие относительно новое, однако приобретает все больший интерес со стороны ученых. Интерес можно объяснить тем, что это понятие обозначает самостоятельную форму правления, которая способна отвечать современным запросам общества и государства. Согласно Д.М. Худолею, суперпрезидентская республика – организационная форма государственной власти, отличительной особенностью которой является положение президента вне ветвей власти, где он исполняет роль арбитра над всеми ветвями власти, не допуская доминирования одной из них [4].

Если понятие «суперпрезидентская республика» новое, то сама идея арбитра в лице главы государства, как сущность данной формы правления не нова. В начале XIX века во Франции появляется новое учение Бенжамена Констана «Pouvoir, Neutre, intermediate и regulateur» (Власть, нейтральность, посредничество, регулятивный орган). Бенжамен Констан в своем учении предлагает создание Конституционной монархии, как то было в Великобритании. Для этого он приводит концепцию «Pouvoir Neutre» – нейтральной власти в лице главы государства. Согласно этой концепции, возможность разрешать конфликт между законодательным и исполнительным органами была самой необходимой для стабильного государства. Потому ставился вопрос о наличии этой самой нейтральной власти – третьей силы, способной разрешать вопросы не в пользу одной из сторон, но в пользу всего государства. Для этого данная сила должна была иметь особые полномочия как в исполнительной, так и в законодательной ветви власти. Такой властью Б. Констан наделяет главу государства, прежде всего в конституционной монархии. Однако в отличие от других теоретиков в данной сфере, он не забывает, а возвращается к двум римским понятиям власти: «auctoritas» и «potestas» – власть авторитета и власть принуждения. Констан, отлично понимая их различие, наделяет главу государства в своем учении именно властью авторитета, что позволило бы гарантировать успешное разрешение споров между государственными органами [5, с. 187–194].

Размышляя над нейтральной властью, Констан видел данную власть в лице монарха конституционной монархии, беря пример с Британской империи, однако первыми попытками реализовать данное учение можно назвать Реставрацию Бурбонов, а далее период правления Луи Филиппа и впоследствии вторую Французскую республику. В 1814 году с изданием Королевской Хартии, Людовик XVIII ограничил собственные права, создав парламент, как олицетворение законодательной ветви власти. Он обладал широкими полномочиями во всех ветвях, фактически возглавляя исполнительную и судебную власти. Среди его полномочий особо выделялись законодательная инициатива и право роспуска парламента. Потому четкого разделения на ветви власти не прослеживалось. После издания Хартии 1830 года и установления «Июльской монархии», законодательная инициатива стала принадлежать как монарху, так и парламенту, так же монарх обладал правом абсолютного вето и право роспуска парламента [1, с. 134–138]. Однако в данном режиме уже существовало разделение властей, при котором монарх обладал полномочиями во всех ветвях власти, тем самым в некоторой степени выполняя надвластную роль. Стоит так же указать на то, что хартия была конституционной и дарована монархом народу, монарх был заинтересован и вынужден ее соблюдать и защищать, что являлось прототипом положения суперпрезидента как гаранта конституции. Следующим этапом можно выделить перерождение конституционного монарха в суперпрезидента, что можно было наблюдать в период Второй Французской Республики. Главным отличием было уже четкое разделение властей, закрепленное конституцией. Правда, правовое положение президента было крайне схоже с положением монархов до революции. Президента избирал народ сначала на 4 потом на 10 лет, без права на передачу власти по наследству, абсолютное вето сменилось на вето отлагательное. Остальные права и полномочия были не тронуты. Президент обладал законодательной инициативой, правом роспуска парламента, правом смещения любого из министров, правом помилования и так далее. Данный набор полномочий позволял Президенту находиться над ветвями власти, гарантируя исполнение конституции, он был вынужден разрешать вопросы между ветвями власти, тем самым становясь арбитром над этими ветвями. Именно в этот момент, с созданием конституции 1848 года, идея нейтральной власти впервые воплотилась в государстве с республиканской формой правления.

В следующих попытках построения французского государства учение Бенжамена Констан не находило своего широкого распространения вплоть до Пятой Французской Республики. Однако подобные идеи были восприняты в Германской империи, а в последующем и в Веймарской республике, которая не была ни парламентской, ни президентской. Особая форма правления Веймарской Республики объяснялась наличием такого государственного органа, как Рейхспрезидент. Он функционировал на принципах нейтральности, независимости, аполитизированности и прочих, которые упоминал Констан. Несомненно, все политическое движение в Германии 30-х годов определял рейхстаг, однако это влекло за собой

последствия в виде острейших противоречий между исполнительной и законодательной властью, отсутствия единого курса политического развития ввиду разобщенности партий. Однако для разрешения подобных проблем и существовал Рейхспрезидент, наделенный конституцией Веймарской республики целым перечнем специальных полномочий, о которых писал Констан, а именно: роспуск рейхстага согласно и назначение референдума согласно, составление и обнародование законов согласно, и защита конституции согласно [5, с. 219]. Наиболее важным полномочием из вышеперечисленных можно назвать полномочие, скорее даже обязанность Рейхспрезидента защищать конституцию, быть ее гарантом. Именно реализуя данную обязанность, Рейхспрезидент разрешал споры между органами государственной власти, выстраивал единую линию развития государства. Более того, данный глава государства выступал не просто как нейтральный орган, но орган, представляющий интересы всего народа, всего общества и государства.

Кульминацией развития учения о нейтральной власти стало создание Пятой Французской Республики. Согласно статье 1 Конституции Франции 1958 года, Президент Республики обеспечивает своим арбитражем нормальное функционирование публичных властей, а так же преемственность государства, что является первым в истории закреплением за главой государства функции арбитра над ветвями власти [2]. Для выполнения подобной роли Президент наделяется такими полномочиями во всех ветвях власти, как назначение всех членов правительства, вплоть до Премьер-министра; создание ордонансов и декретов, обладающих силой, равной закону; право вето; право помилования и так далее. Важной чертой является избрание президента путем всеобщих выборов, что говорит о том, что президент является органом, представляющим интересы всего государства, определяющим курс национальной политики, экономики и других сфер общества. Такую форму правления нередко называют суперпрезидентской ввиду широких полномочий главы государства. Однако такая форма была характерна для периода правления Шарля Де Голля, после ухода которого путем реформ усилилась роль парламента, тем самым утратилась суперпрезидентская форма правления. Подобная модель государства нашла свое распространение среди государств, существовавших в условиях политического кризиса, среди которых Беларусь не стала исключением.

ЛИТЕРАТУРА

1. История государства и права зарубежных стран : учеб. пособие для вузов / О.А. Жидков [и др.] ; под общ. ред. Н.А. Крашенинковой. – 2-е изд. – М. : Норма, 2001. – 712 с.
2. Конституция Франции 1958 года [Электронный ресурс] // Академик. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/79348>. – Дата доступа: 10.04.2015.
3. Пятая Французская Республика [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пятая_французская_республика. – Дата доступа: 11.04.2015.
4. Худолей, Д.М. Основные, гибридные и атипичные формы правления / Д.М. Худолей // Сб. науч. тр. / Пермский ун-т. – Пермь, 2010. – Вып. 4 : Юридические науки. – С. 233–238.
5. Шмитт, К. Право и политика / К. Шмитт. – 1-е изд. – М. : Территория Будущего, 2013. – 448 с.

УДК 342

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СУПЕРПРЕЗИДЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ

К.А. УСТИНОВ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)

Исследовано понятие «суперпрезидентская республика», были выявлены основные признаки и характеристики суперпрезидентской республики. Определена сущность «суперпрезидентской республики» как формы правления.

Под понятием «сущность» принято понимать некоторую совокупность определенных устойчивых характеристик явления либо процесса, которая отражает наиболее важные стороны рассматриваемого объекта. Для определения сущности суперпрезидентской республики как государственной формы правления необходимо дать понятие суперпрезидентской республики, проанализировать причины создания подобной формы, выделить наиболее важные характеристики и признаки данного явления, провести сравнительный анализ данной формы правления и иных форм.

Среди ученых существует определенный спор по поводу определения суперпрезидентской республики. Так, по мнению В.Е. Чиркина, суперпрезидентскими называют такие государства, где глава

государства, вследствие его особой роли, концентрирует в своих руках широкие полномочия по управлению государством. Однако он также выделяет особые виды суперпрезидентской власти:

Президентско-монархическая республика либо президентский абсолютизм. Президенты в таких республиках становились пожизненными главами государств, возглавляли официальную идеологию, в некоторых случаях являлись руководителями главенствующей либо единственной партии страны. Наиболее распространены подобные формы в Азии и Африке.

Президентско-милитаристская республика. Данная форма суперпрезидентской республики развивается в странах, где происходит военный переворот. На места назначаются губернаторы, коменданты, а сам лидер переворота объявляет себя президентом.

Третья форма возникла в государствах с социалистической ориентацией. Главой государства зачастую становился лидер партии, избранный на съезде. Президент получал инвестицию в парламенте. В дальнейшем он опирался не только на государственную, но и на партийную власть [1, с. 194].

Исследуя вышеприведенные виды суперпрезидентской республики, а так же само понятие суперпрезидентской республики, данные В.Е. Чиркиным, можно понять, что автор видит в суперпрезидентской республике некоторый баланс между авторитаризмом и демократизмом. Так же напрашивается вывод о том, что подобная государственная форма правления возникает лишь в развивающихся странах, с неразвитым институтом разделения властей и прочими институтами демократии.

Однако существует и другая точка зрения на счет суперпрезидентской республики. Д.М. Худолей описывает суперпрезидентскую республику как форму организации государственной власти, главной особенностью которой является положение президента в качестве арбитра «высшей политической инстанции» [2]. Арбитр «высшей политической инстанции» понимается как государственный орган в лице главы государства, разрешающий конфликты между ветвями власти. Так же он выделяет особую форму суперпрезидентской власти – монархическую. По его мнению, данная форма отличается наличием возможности президента избираться на пост главы государства неограниченное количество раз, либо избираться на пожизненный срок.

Как мы можем заметить, мнения о сущности суперпрезидентской республики у вышеприведенных авторов достаточным образом различаются. Понятие, данное В.Е. Чиркиным, описывает большинство авторитарных режимов Латинской Америки и Африки. Когда как Д.М. Худолей предполагает самостоятельную форму правления, возможную во многих современных развитых и развивающихся странах.

Как и у любой другой формы правления, у суперпрезидентской республики существуют отличительные особенности, которые определяют ее независимость, самостоятельность по отношению к другим формам. Наиболее важной характеристикой суперпрезидентской формы правления является положение главы государства как арбитра над всеми ветвями власти. Такое положение главы государства вызывает определенный набор полномочий, таких как: право роспуска парламента, право введения чрезвычайного или военного положений, единолично назначать либо смещать высших должностных лиц государства [3, с. 207]. Глава государства, обладая полномочиями во всех ветвях власти, способен разрешать вопросы между ними, представляя интересы не отдельных партий или организаций, а целого государства.

Еще одним аспектом появления такого положения главы государства в суперпрезидентской республике является соотношение принципов репрезентации – процесса отражения главой государства политического единства народа, представления самого народа, и, тождественности – тождества народа с самим собой как политическим целым [4, с. 73]. Осуществление принципа тождественности, по мнению К. Шмитта, означает тенденцию к минимуму правительства и большей самостоятельности; осуществление принципа репрезентации – к максимуму правительства. Исходя из данной шкалы «тождественность – репрезентация» можно сказать, что суперпрезидентская республика как форма правления существует для репрезентации политического единства народа в условиях отсутствия развитого принципа тождественности в государстве.

В современной науке зачастую функцию арбитра главе государства приписывают только в смешанных республиках, будь то президентско-парламентская либо парламентско-президентская республика. Однако, анализируя подобное положение на примере такой смешанной республики, как Российская Федерация, можно сделать вывод, что это не совсем так. Президент Российской Федерации обладает полномочиями как в исполнительной, так и в законодательной ветвях власти, но подобные полномочия являются скорее не «абсолютными», при помощи которых было бы возможно проявить свою волю вопреки парламенту; а «компромиссными» ввиду того, что глава государства может воспользоваться ими лишь при участии парламента, как это происходит при формировании правительства.

Более того, в смешанных республиках существуют такие явления, как «президентоналистский режим», при котором глава государства пользуется поддержкой парламентского большинства на основе общей партийной принадлежности; и режима разделенного правления, где глава государства и парламентское большинство, определяющее законодательную деятельность, принадлежат к различным партиям (присоединяются различные политические программы), что создает условия для возникновения проти-

воречий [5, с. 76]. Таким образом, при президентоналистском режиме глава государства де-факто, но не де-юре становится суперпрезидентом, воля которого отражается в полной мере и в деятельности парламента и в деятельности правительства. При режиме разделенного правления форма правления государства становится де-факто парламентской, где глава государства практически не способен повлиять на работу парламента. На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что в смешанной республике глава государства выполняет роль арбитра лишь при президентоналистском режиме, когда в суперпрезидентской республике такое положение главы государства существует постоянно.

Следующим признаком суперпрезидентской республики можно назвать наличие правительства, не подчиняющегося напрямую президенту. Правительство в таких республиках возглавляет Премьер-министр. Правительство может быть подотчетно, либо подконтрольно президенту. Такой высший орган государственного управления формируется зачастую при участии и президента, и парламента. Такой порядок формирования и существования гарантирует действительного разделения властей, где парламента не может навязывать свою волю правительству.

С вышеуказанным признаком непосредственно связан и другой – нейтральность главы государства. Нейтральность заключается в беспартийности главы государства. Это положение президента напрямую относится к его функции репрезентации, при помощи которой он представляет весь народ государства. Если же президент относится к какой-либо партии, то представляет интересы лишь партии. Нейтральность играет важнейшую роль в системе сдержек и противовесов в суперпрезидентской республике, так как нейтральный глава государства, участвуя в формировании правительства, не позволяет передать контроля правительства парламентом, как то бывает в смешанных республиках.

Исходя из проведенного анализа различных источников, можно сформировать понятие сущности суперпрезидентской республики: суперпрезидентская республика – это самостоятельная форма государственного правления, отличающаяся наличием сильного, нейтрального главы государства – арбитра, разрешающего конфликты между ветвями власти, ввиду наличия полномочий во всех ветвях. Суперпрезидентская республика характеризуется так же наличием самостоятельного правительства, возглавляемого Премьер-министром, подотчетного парламенту и подконтрольного президенту, а так же парламентом, осуществляющим лишь законодательные функции государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиркин, В.Е. Конституционное право зарубежных стран : учеб. пособие / В.Е. Чиркин – М. : Юристъ, 1997. – 573 с.
2. Худолей, Д.М. Основные, гибридные и атипичные формы правления / Д.М. Худолей // Сб. науч. тр. / Пермский ун-т. – Пермь, 2010. – Вып. 4 : Юридические науки. – С. 233–238.
3. Конституционное право зарубежных стран : учеб. / Н.М. Кондратович [и др.] ; под общ. ред. Г.А. Василевича – Минск : Книжный дом, 2006. – 480 с.
4. Шмитт, К. Право и политика / К. Шмитт. – 1-е изд. – М. : Территория Будущего, 2013. – 448 с.
5. Лангинен, А.В. Конфликты между парламентом и иными высшими органами государственной власти : предпосылки, причины, пути разрешения / А.В. Лангинен // Сб. науч. тр. / Пермский ун-т. – Пермь, 2009. – Вып. 3 : Юридические науки. – С. 195.

УДК 342

ПОНЯТИЕ ДОКТРИНАЛЬНЫХ КОЛЛИЗИЙ В ПРАВЕ

О.В. ВЕЛЮГО

(Представлено: И.В. ШАХНОВСКАЯ)

Рассматривается роль юридической доктрины в правотворческом процессе и правоприменительной практике. А также предлагается рассмотреть доктринальные коллизии как один из видов юридических коллизий.

Термин «правовая доктрина» имеет широкое значение и понимается: как учение, философско-правовая теория; как мнения ученых-юристов по тем или иным вопросам, касающимся сущности и содержания различных правовых актов, а также проблемам правотворчества и правоприменения; как научные труды наиболее значимых ученых в области государства и права; как комментарии различных кодексов, законов, модели различных нормативных правовых актов [1, с. 111].

Общепризнанно, что правовая доктрина не является официальным источником права в Республике Беларусь. Однако доктринальное правосознание и правоприменение играют очень важную роль, поскольку

ку они оказывают влияние на развитие права и законодательства. М.Н. Марченко отмечает [1, с.111–112], что значительное влияние доктрина оказывает на правотворческий и правоприменительный процесс при наличии пробелов в праве, когда суды при вынесении решения сталкиваются с такими ситуациями, при которых рассматриваемые отношения не урегулированы с помощью правовых норм или опосредуются с помощью не совсем ясных, противоречивых норм.

На доктринальном уровне разрабатываются научные определения понятий и категорий, оцениваются действующие нормы права, а также предлагаются решения по совершенствованию законодательства. Например, М.С. Абламейко и Г.А. Василевич [2, с.100] предлагают разработать Информационный кодекс Республики Беларусь, который позволит комплексно регулировать отношения в информационной сфере.

Роль юридической доктрины особенно важна в таких сферах правового регулирования как законотворческий процесс и правоприменительная практика. Как отмечает А.И. Демидов, «отсутствие юридической доктрины оборачивается рассогласованием законотворчества и потребностей юридической практики, разрывом правовой теории и юридической практики, формирующихся под давлением своих собственных сиюминутных задач, не учитывающих перспективу развития друг друга; отсутствием в массиве юридической деятельности признаков системности. Правоприменительная практика также прибегает к доктринальным выводам и аксиомам, что происходит не только в позитивных, но и в негативных ситуациях. С одной стороны, этого требует многогранность общественных отношений, не позволяющая урегулировать посредством правовых норм их абсолютное большинство, с другой стороны, этого требуют коллизии и пробелы, имеющиеся в законодательстве, ввиду отсутствия соответствующего правового регулирования тех общественных отношений, которые являются результатом нового этапа или иного направления своего развития» [3, с. 123].

Р.В. Пузиков [4] в своем диссертационном исследовании отмечает, что юридическая доктрина – это фактор, влияющий на правоприменительный процесс, основополагающий принцип в познании права. Именно через судебную практику как форму применения права раскрываются основные начала, «дух» становящейся правовой системы, нашедшие не всегда полное закрепление в законодательстве.

Н.И. Матузов подчеркивает [5, с. 241], что научное правосознание наиболее адекватно отражает то, как обстоят дела в правовой сфере. Справедливо отмечает В.Н. Дубовицкий [6, с. 11], что «правосознание» как совокупность идей, чувств, эмоций и т.п., на основании которых правоприменительные органы принимают решения по конкретным юридическим делам, всегда обусловлено той или иной правовой доктриной, понимаемой в широком смысле. То же относится и к «общим принципам права», под которыми понимаются исходные начала правовой системы (принципы справедливости, доброй совести, гуманизма и т.п.), на которые юристы ссылаются при отсутствии нормативного правового акта, прецедента, обычая и договора нормативного содержания.

В Республике Беларусь юридическая доктрина играет большую роль для развития правоприменительной практики, совершенствования законодательства, правильного толкования положений конкретного нормативно-правового акта, но официальным источником права не признается. К сожалению, при осуществлении правосудия судьи не используют ссылки на труды ученых-правоведов, хотя при принятии решения нередко руководствуются комментариями. В Республике Беларусь видными учеными-юристами разработаны комментарии к Конституции Республики Беларусь (Г.А. Василевич, И.И. Пляхимович), комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь (В.Ф. Чигир) и иные. Эти все труды и есть юридическая доктрина.

Весьма важным для научного исследования являются доктринальные коллизии. Одним из первых их выделил в отдельный вид коллизий правовых норм Ю.А. Тихомиров [7]. Указанный автор отмечает [7, с. 66], что одно из главных объяснений коллизий и споров лежит в плоскости правопонимания, в котором отражаются разные подходы к праву и его роли, взгляды на развитие правовых явлений и оценки их соответствия правовому порядку. Таким образом, доктринальные коллизии имеют место тогда, когда происходит столкновение различных правовых взглядов по вопросу развития либо оценки одного и того же правового явления.

Понятие коллизия дается в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» [8] и определяется как противоречие (несоответствие) норм действующих нормативных правовых актов, регулирующих одни и те же общественные отношения. Однако сегодня понятие юридической коллизии понимается все более широко, чем то определение, которое дано в Законе. Некоторые ученые считают, что данное понятие это не только противоречие между правовыми нормами. Так, по мнению М.Ю.Тихомирова, «коллизия представляет собой столкновение противоположных сил, интересов, стремлений» [9, с. 202]. Ю.А. Тихомиров считает [7, с. 42], что расхождения юридического характера могут выражаться не только в правовых нормах, но и в правовых взглядах, в правопонимании, в правовых позициях и юридических действиях (бездействии).

Для дальнейшей детальной разработки вопроса, касающегося понятия данных коллизий, выявления причин их возникновения, рассмотрения механизма их разрешения необходимо ввести определение доктринальной коллизии. Еще раз отметим особенности доктринальных коллизий, высказанные Ю.А. Тихомировым. К ним относятся разные подходы к пониманию права и его роли, взгляды на развитие правовых явлений и оценки их соответствия правовому порядку [7, с. 66]. На основе этого считаем, что под доктринальной коллизией следует понимать противоречие (несоответствие) взглядов и подходов в понимании, а также оценки одних и тех же правовых норм и правовых терминов.

Выделим следующие признаки доктринальных коллизий:

- наличие двух и более позиций относительно одного правового явления;
- позиции в понимании или оценке должны не совпадать;
- мнение одного ученого должно противоречить, различаться с мнением другого ученого.

Таким образом, научное правосознание и толкование более точно отражает правовую действительность, поскольку строится на глубоких знаниях, специальных исследованиях и выводах. Однако, поскольку у каждого ученого уже есть свои сложившиеся представления о праве, то мнения по пониманию одной и той же нормы не у всех ученых будет совпадать, что и будет вести к возникновению противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марченко, М.Н. Правовые системы современного мира : учеб. пособие / М.Н. Марченко. – М. : Зерцало-М, 2001. – 400 с.
2. Абламейко, М.С. Подготовка и принятие Информационного кодекса Республики Беларусь—настоятельная потребность времени / М.С. Абламейко, Г.А.Василевич // Вестн. Белорусского гос. ун-та. Сер. 3. – 2012. – № 2. – С. 98–102.
3. Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их разрешения : научн.-практ. конф., Саратов, 3–4 окт. 2001 г. / под ред. А.И. Демидова. – Саратов : Саратовской гос. акад. права, 2001. – 320 с.
4. Пузиков, Р.В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования : проблемы теории и практики [Электронный ресурс] / Р.В. Пузиков // Электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <http://www.disserscat.com/content/yuridicheskaya-doktrina-v-sfere-pravovogo-regulirovaniya-problemy-teorii-i-praktiki>. – Дата доступа: 15.08.2015.
5. Матузов, Н.И. Теория государства и права : учеб. / Н.И. Матузов, А.В. Малько – М. : Юристъ, 2004. – 512 с.
6. Дубовицкий, В.Н. Доктрина как источник права в романо-германской правовой семье / В.Н. Дубовицкий // Вестн. Гродзенскага дзярж. ун-та ім. Янкі Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. – 2008. – № 4 (75). – С. 10–15.
7. Тихомиров, Ю.А. Коллизионное право : учеб. и научн.-практ. пособие / Ю.А. Тихомиров. – М. : Юринформ-центр, 2000. – 394 с.
8. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2000 г. № 361-3 : с изм. и доп. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=N10000361#load_text_none_1. – Дата доступа: 13.08.2015.
9. Тихомиров, М.Ю. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров ; под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1997, – 526 с.